

ЧЕЛОВЕК ПОКОЯ

«Как только я сажусь писать, то чувствую себя под знаком беды», — говорит прозаик Анатолий Гаврилов

Писатель Анатолий Гаврилов живет во Владимире. Служит доставщиком телеграмм. В Москву выбирается редко, в литературной жизни почти не участвует. Все творчество уложилось в две тоненькие книжки: давнюю в «Московском рабочем» и прошлогоднюю «К приезду Н.» в «Библиотеке журнала «Соло» (см. «ЕЛ-НГ» от 06.11.97). Все литературные опросы обязательно отмечали ее в числе событий года. Антибукеровская премия «Братья Карамазовы» внесла «К приезду Н.» в шорт-лист. «Букер» этого года Гаврилова из списка изъял: рассказы — это не роман.

Александр Михайлов

АНАТОЛИЙ, когда читаешь твои рассказы, то не покидает такое чувство, что автор пишет совершенно не о том, что он любит. Ему нравятся красивые женщины и вино, «парки и рестораны», а речь он ведет о каких-то старухах и дурачках. Почему так получается?

— Я сам у себя это спрашиваю, оставаясь наедине с собой: почему ты вводишь всех в заблуждение? Ведь я действительно люблю и женщин, и вино, и футбол. Почему я не воспеваю все это? Вот хотя бы Азовское море, где я родился, долго жил и получал удовольствие от жизни. Даже больше скажу — наслаждение от жизни. Существует оно или нет? Для меня существует. Нет ничего лучше, по-моему, лечь после обеда на диван с хорошей книжкой. И пусть через пять минут ты закроешь и книжку, и глаза, а еще через пять минут сон окончательно тебя сморит, но за эти десять минут проходит целая жизнь. Ты мысленно пробегаешь какие-то детские тропинки, слышишь шорох ветра тех лет или видишь какие-то блики и тени... Но почему-то я не могу писать о том, что составляет для меня наслаждение жизнью. Как будто кто-то запротестировал меня. Иной раз я думаю: может, я конъюнктурщик какой? Писать о плохом модно, добавляет престижа, вроде как Кафка такой владимирский...

— Зная тебя уже довольно давно и встречаясь с тобой время от времени в Москве, я могу сказать, что по натуре ты человек праздника, любишь повеселиться и покурить, но в то же время всячески это в себе подавляешь.

— Да. И мало того, что все это подавлено во мне обстоятельством, я порой стыжусь признаться самому себе, что мне хорошо. Может быть, потому, что мой лучший друг композитор Сережа Беринский был человеком малоресурсного склада, депрессивный, погруженный в свой жесткий мир. Он много требовал от меня. А я, наверное, оказался трусом. Я боялся показать свою радость перед человеком, который так трудно живет. Когда я пытался сделать это, Сергей меня тут же обрывал. Он не признавал растительного состояния, он весь кипел. Мы были совершенно разные люди и долго этого не понимали, а поняв, стали расходиться в разные стороны. Но ведь и Малер был разным, и у него есть прекрасная музыка, где он не боится воспеть альпийские луга и горы, в которых он отдыхал. И если мне удастся передать состояние радости, пусть даже неглубоко, то я открою другую сторону луны, которая до сих пор скрыта от меня самого. Такие мысли порой вгоняют меня в тоску...

Потому что, как только я сажусь писать, то чувствую себя под знаком беды. Во мне бродят какие-то неприятные предчувствия, не покидает ощущение угрозы. Вот уже я долго живу, до сих пор

не разобрался в себе. Главное наслаждение для меня — это чувство покоя. Моя теща говорит, что ради покоя я готов пожертвовать всем. Я ощущаю себя хорошо, когда меня не трогают. Даже рестораны, которые всегда меня так манили, — я не помню ни одного из них, где я чувствовал бы себя свободно. А первый мой визит в ресторан кончился конфузом, особенно ужасным потому, что он произошел на глазах у бывшей одноклассницы, в которую я был влюблен. Мы в компании других одноклассников пошли в самый роскошный ресторан Мариуполя, где был полумрак, под потолком кружились серебристые шары и музыканты играли джаз в белых рубашках с закатанными рукавами. Денег у нас было мало, поэтому мы купили бутылку водки в магазине, а я ее к себе в пиджак определил. Но как только мы сели, официантка подошла и сказала, что с водкой сюда нельзя. Правда, увидев мой жалобный взгляд, она разрешила перелить водку в графинчик. Тут загрохотала музыка, мы начали выпивать, и в этот момент меня вместе со стулом кто-то поднимает вверх... Я оборачиваюсь и вижу огромного детину, который меня держит. Я не знаю, что делать, вокруг все замерло. Катастрофа! Позже этот детина сказал: «Извини, я ошибся: думал, это твой брат, я с ним в зоне сидел. Выпей со мной!» И весь остаток вечера я вынужден был пить с ним, бросив свою девушку и друзей.

— Твои герои часто попадают в такого рода конфузные ситуации, которые заканчиваются в лучшем случае депрессией, а в худшем — и вовсе их смертью. Так ведь?

— Мой герой всегда не свободен, он не может справиться ни с какой, даже самой локальной, задачей до конца. Я помню, в первом классе я влюбился в одну девочку по фамилии Важакидзе и, чтобы обратить на себя внимание, я даже позволял себе какие-то пассажи по поводу своей умершей матери, понимая, что это не хорошо. Или вот бабушка сшила мне трусы из разных кусочков атласной ткани, и я, сняв брюки, эти трусы всем показал. Все это для того, чтобы привлечь внимание. Физически слабый, терпящий всегда поражение, клоун — с одной стороны. С другой — я помню свое чувство восторга и страха при виде восходящего из моря огромного солнца. Во мне настолько все было перемешано — и сибаритство, и лирика, и дерзость, и юрдовость... Я часто злюсь на кого-нибудь, а потом думаю: «А ты ведь сам такой же!»

— Многие в характере человека объясняют его впечатлениями и травмами, полученными в детстве, верно?

— Я родился в 1946 году в Мариуполе. Мама умерла, когда мне было четыре года. Отец был на Севере. Воспитывался я у родителей отца. Когда отец вернулся, у него была другая семья, и контакт с ним был формальный, теплая в отношениях было мало. До восьмого класса я учился в обычной школе, потом в школе-интернате... После школы работал на металлургическом заводе имени Ильича в модельном цехе. Потом служил в армии в Житомире, в ракетных войсках. После возвращения домой опять работал на заводе, затем уехал в Якутию. Потом снова вернулся домой и женился, родился сын.

— А как ты стал писателем?

— Я поступил в Литературный институт. Несколько крошечных рассказов, с которыми я поступал в институт, сначала оказались у Залыгина. Ему они не понравились, и в первый раз меня не приняли. А во второй раз они оказались у Юрия Томашевского, и он взял меня в свой семинар на заочное отделение. После этого в

течение шести лет я имел счастье посещать Москву, я всегда был влюблен в нее, мечтал жить в ней, и до сих пор моя мечта еще не угасла. Я знаю, что сегодня Москва — жестокий город, который может смять человека... Впрочем, что об этом говорить! Вот если бы Владимир, где я сейчас живу, передвинуть поближе к Москве — это было бы идеально.

— Чем же тебе так нравится Владимир?

— Во Владимире я живу с 84-го года. По-обыкательски там жить нормально, но творчески — скучно. Хотя по сравнению с Мариуполем Владимир почти Париж. Переезжая сюда, в среднюю полосу России, я надеялся избавиться от доменных извержений

сказах — лишь повод для меня, чтобы излить свой шлак. Ведь живут же там люди, жил же там, допустим, поэт Белоус и писал про солнце, закаты и соловьев. Может быть, это у меня душа такая шлаковая... Сейчас в провинции человеку нужна прежде всего хоть какая-то зарплата. Но даже у тех, у кого она есть, никакого оптимизма в глазах и уверенности в завтрашнем дне нет. Сегодня он работает, а завтра его могут попросить. Даже у нас на телеграфе, где я много лет работаю простым почтальоном, лежит список желающих к нам попасть, потому что тут более или менее регулярно платят деньги. Я разношу телеграммы. Вижу много людей. О политике почти не говорят. Даже

Анатолий Гаврилов.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

и шлаковой пыли, я думал, что и писать буду по-другому. Как Бунин. Тени чтоб там были от без-рез, ветер, солнце...

Чтоб было то, что не испохаблено прогрессом, тяжелой промышленностью. Но увы, я так и остался при своих интересах. В рассказах моих ничего не изменилось. Изменился разве что круг людей. Есть очень неплохие поэты и прозаики во Владимире: покойный уже Александр Шарыпов или Владимир Краковский, например. Эта литературная преступность во Владимире организована аж в два союза писателей. Я сам, наверное, похож на белую ворону, слившуюся с остальной стаей. Но я и не ставлю задачу выделиться. Я никак не подчеркиваю дистанцию между собой и другими.

По молодости мне хотелось отличаться как диссиденту, но мой наставник Беринский мне сказал: зачем тебе это, пусть этим занимаются люди, у которых это лучше получается, а ты напиши грустный рассказ. Посадить тебя посадят, не волнуясь. Но чего ты добьешься? В Германии, кстати, в прошлом году я столкнулся с людьми, которые выбрали когда-то диссидентство и двинулись на этом. Все их разговоры до сих пор сводятся к одному и тому же: Ленин, Сталин, Брежнев, мы... Время-то уже другое, а они этого не видят.

— Многие считают тебя «специалистом по провинции» в литературе. Причем неизменно показывая эту провинцию в мрачных тонах. Какова там на самом деле жизнь?

— Представь себе поселок, который пополам разрезала междугородняя дорога, и автобусы, едва разминаясь, идут вперику к жалким домикам. Поселок Шлаковский — это концентрация пыли, жары, отходов металлургических и человеческих. Но может быть и так, что Шлаковский в моих рас-

Анатолий Гаврилов.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

сказах — лишь повод для меня, чтобы излить свой шлак. Ведь живут же там люди, жил же там, допустим, поэт Белоус и писал про солнце, закаты и соловьев. Может быть, это у меня душа такая шлаковая... Сейчас в провинции человеку нужна прежде всего хоть какая-то зарплата. Но даже у тех, у кого она есть, никакого оптимизма в глазах и уверенности в завтрашнем дне нет. Сегодня он работает, а завтра его могут попросить. Даже у нас на телеграфе, где я много лет работаю простым почтальоном, лежит список желающих к нам попасть, потому что тут более или менее регулярно платят деньги. Я разношу телеграммы. Вижу много людей. О политике почти не говорят. Даже

интересно читать в твоих рассказах обо всем, что связано с армией...

— Армия была для меня, за исключением некоторых моментов, тяжелым опытом. Я был не настолько наивен, чтобы думать, что как только она кончится, все будет хорошо. Когда я демобилизовался, то попал в менее интеллигентную среду, чем в армии. Дело в том, что я служил в ракетных войсках, а там были люди с высшим образованием и со средним техническим. В нашей казарме располагалось отделение по подготовке данных — элита такая солдатская. И в курилке можно было услышать разговоры об Ахматовой, Мандельштаме... Я впитывал все это, а когда приехал в свой Мариуполь, там были курятник, огород и убогое жилье, и никто не слышал ни об Ахматовой, ни о Мандельштаме.

В армии я познакомился с московским композитором Сергеем Беринским, которому посвящены два моих рассказа. Он оказал на меня большое влияние. Собственно говоря, он меня вынуждал писать. Когда мы разъезжались из армии, я хотел продолжать с ним дружить. Но он ответил, что просто так я ему не интересен, а интересен как гипотетический писатель. Я был страшно подав-

лен таким поворотом дела. Я не хотел быть писателем, я хотел просто встречаться, выпивать. Жить, как все остальные люди. Зачем писать, когда есть Пушкин, Толстой? Я, кстати, и сейчас так порой думаю: сочинительство — дело пустое, все ведь уже сказано до нас. Тяжело сознавать, что Сергей Беринский умер. Он меня понимал и любил, хотя и унижал, выбивая из меня шлаковского обывателя. Мне кажется даже, иногда он слишком усердствовал, вытравляя кислотой иронии все живое во мне. Он просто созрел раньше меня... Я, может быть, и сам пришел бы к тому же, только позже. Но был бы при этом более разговорчивым, более открытым, более свободным.

— Ты вообще любишь людей?

— Боюсь, что нет. Если есть возможность никого не видеть, то я и не хочу видеть. Вот как в электричке, например, сегодня по дороге в Москву: я ехал нормально, сидел один. Потом ввалилась куча народу, я сразу пересел подальше. В общем я несколько раз менял места, чтобы не чувствовать рядом другой организм какой-то. Тем более не слышать каких-то историй.

— Я знаю, что тебя любят за границей, переводят в разных странах. Последняя твоя книга вышла в Германии, и ты там прожил несколько месяцев...

— В Германии в общем было замечательно. Как я уже говорил, я — человек покоя, и там я получил этот покой. За исключением первых каких-то моментов дискомфорта (я сложно привыкаю к новому месту). Но когда я увидел, что там ничего опасного нет, никто не посягает на мой покой, я временами ощущал себя совершенно молодым человеком, чего уже давно не испытывал. Я нигде не торопился, бродил по улицам, хотя, кажется, улица та же, но чувство новое, необычное. Гуляя, я обычно заходил в кафе и ресторанички, попадавшие по пути. Однажды я обошел несколько таких мест и уже поздно вечером в последнем заказал что-то и... уснул. А когда проснулся, было уже утро. Мой заказ стоял на столе нетронутым, и никто меня не беспокоил.

— Не буду спрашивать, что ты пишешь, но скажи, как ты это делаешь? Как возникают твои рассказы?

— Писать стало труднее. После какого-то относительного успеха стал бояться допустить снижения уровня текста. А это, наверное, ошибка: не нужно вообще думать об этом, когда пишешь. А пишу я так. На почте есть бывший красный угол. Никаких мероприятий там не проводится теперь, и мне там позволяют уединяться. Я сижу там, включаю музыку на магнитофоне и что-то пишу. За настоящего писателя меня, конечно, на работе не принимают. Для них настоящий писатель — Шолохов. Тот, который про жизнь пишет. А у меня же не жизнь, а какие-то ее гримасы. Им-то хочется, чтобы землей пахло, и птицы пели, и любовь была. И надеются, что я приду к настоящей литературе. Сиди и пиши, но только что-нибудь такое, как у Шолохова...

Я редко дочитываю что-то до конца. Так же, как и пишу — осколками какими-то. Немного чтения, немного музыки, немного собственного писания — так и живу. Часто бывает, что к девяти вечера, когда почта закрывается и сдается под сигнализацию, я начинаю поглядывать на часы: когда же мои мучения кончатся? Когда я стану нормальным человеком? Приду домой, включу телевизор и буду смотреть программу «Время», ужинать, разговаривать с сыном, дочерью и женой. Словом, жить, как все остальные люди.